

Специфика оккупационной повседневности Беларуси 1941–1944 годов

Гребень Е.А.

*Учреждение образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет», Минск*

История повседневности – сложное и многогранное понятие, имеющее множество различных интерпретаций в социальных науках.

Цель статьи – определение наиболее специфических черт, характеризующих повседневную жизнь гражданского населения Беларуси в экстремальной ситуации германской оккупации 1941–1944 гг.

***Материал и методы.** Данная работа подготовлена на основе публикаций зарубежных ученых, интерпретирующих понятие «история повседневности», а также архивных документов периода германской оккупации Беларуси. В ходе исследования применялись историко-сравнительный и историко-типологический методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Анализ работ зарубежных исследователей показывает наличие множества подходов в определении понятия «история повседневности» как в контексте мировой истории, так и касательно истории Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 годов. Имеющиеся в распоряжении ученых архивные документы рассматриваемого периода позволяют выявить специфические моменты повседневной жизни граждан Беларуси в условиях оккупации.*

***Заключение.** Три года оккупации – мизерный в масштабах человеческой истории период – это совершенно иная эпоха со своей специфической повседневностью, которую характеризовало то, что стало наиболее актуальным практически для всех людей. Оккупационная повседневность была лишена таких естественных черт, присущих мирному времени, как отдых и праздники, красота и мода. Она определяется чрезвычайными обстоятельствами, связанными с необходимостью выжить в экстремальной ситуации. Речь шла о возможности удовлетворения хотя бы на минимальном уровне базовых потребностей, что обусловило поиски разных форм предпринимательской деятельности, использование возможностей функционировавшего черного рынка, изыскание альтернативных источников продуктов питания. Нормой стала аграризация и натурализация городской жизни.*

***Ключевые слова:** Беларусь, гражданское население, повседневность, германская оккупация.*

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 34–37)

The Specifics of Everyday Life in Belarus during the 1941–1944 Occupation

Greben E.A.

Educational Establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”, Minsk

The history of everyday life is a complex and multifaceted concept that has many different interpretations in the social sciences.

The aim of the article is to determine the specifics of the daily life of citizens of Belarus during the German occupation in 1941–1944.

***Material and methods.** This article was prepared based on publications of foreign researchers who interpret the concept of “history of everyday life”, as well as archival documents of the period of the German occupation of Belarus. The historical and comparative and the historical and typological methods were used in the research.*

***Findings and their discussion.** An analysis of the work of foreign researchers shows that there are many approaches to the definition of history of “everyday life” both in the context of world history and regarding the history of Belarus during the German occupation of 1941–1944. The archival documents of the period under review allow to determine specific aspects of the daily life of citizens of Belarus under occupation.*

***Conclusion.** The three years of occupation - a meager period of human history – is a completely different era with its specific everyday life, which was determined by what became the most relevant for almost all people. The everyday life during occupation was devoid of such features inherent in peacetime as rest and holidays, beauty, and fashion. It is determined by emergency circumstances associated with the need to survive in an extreme situation. It was important to satisfy at least a minimum level of basic needs, which led to the search for various forms of entrepreneurial activity, the use of the then functioning black market, and the search for alternative sources of food. The norm was agrarianization and naturalization of urban life.*

***Key words:** Belarus, civilian population, everyday life, German occupation.*

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 34–37)

Адрес для корреспонденции: e-mail: greben.evgenij@gmail.com – Е.А. Гребень

История повседневности – сложное и многогранное понятие, имеющее множество различных интерпретаций в социальных науках (истории, культурологии, философии). Можно констатировать, что количество интерпретаций понятия «история повседневности» равняется количеству исследователей, занимающихся данной проблематикой. На многообразии трактовок влияют используемые учеными источники и их количество, уникальные черты изучаемой эпохи, методология.

Цель статьи – определение наиболее специфических черт, характеризующих повседневную жизнь гражданского населения Беларуси в экстремальной ситуации германской оккупации 1941–1944 гг.

Материал и методы. Данная работа подготовлена на анализе публикаций зарубежных ученых, интерпретирующих понятие «история повседневности», а также документов немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации периода германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. Количество и разнообразие доступных для исследователей документов рассматриваемой эпохи позволяет исключительно полно и всесторонне охарактеризовать оккупационную повседневность. Используемые историко-сравнительный и историко-типологический методы помогли сопоставить и проанализировать различные типы документов и выявить наиболее типичные аспекты, определявшие оккупационную повседневность.

Результаты и их обсуждение. История повседневности – одна из актуальных для белорусской исторической науки отраслей исторических знаний. На протяжении десятилетий популярности истории повседневности появилось множество ее определений. История, социология, философия применяют различные трактовки для описания данного понятия [1]. В ходе научной дискуссии история повседневности эволюционировала от маргинального направления до «модной», по определению А. Людтке, истории. В рамках истории повседневности происходит реконструкция социальных практик на микроуровне. История повседневности – это попытка увидеть историю глазами маленького человека, что не укладывается в традиционные схемы «институциональной истории», препятствует мифологизации и идеологизации истории [2]. Повседневность – все, что повторяется, противостоит чем-либо уникальному, необычному [3, с. 8–9].

В рамках одного из подходов повседневность рассматривается как форма сопротивления насилию, если человек подвергается ему ежедневно или систематически, как стратегии выживания в экстремальных ситуациях [3, с. 8–9]. Данный подход вполне вписывается в ситуацию оккупации, когда экстремальное стало повседневным, на протяжении трех лет миллионы людей, помимо реальной угрозы потери жизни в ходе открытых репрессий, имели всевозможные лишения. Насилию, вне зависимости от его формы, любой человек подвергался ежедневно. Условия, в которых оказались люди, и стратегии выживания, выбираемые гражданами, характеризовали оккупационную повседневность Беларуси 1941–1944 гг.

Не претендуя на создание универсального определения военной повседневности, на основании имеющихся в распоряжении исследователей архивных документов можно выделить ключевые ее аспекты, рассматривая повседневность как ежедневные, многократно повторяемые действия, лишённые новизны.

На восприятие современными учеными повседневности минувших столетий влияет сама специфика изучаемой эпохи. Возможно, повседневность живущих в настоящее время будет определять наличие гаджетов и интернета. Например, изучая повседневность средневековья и эпохи Нового времени, различные исследователи обращали внимание на такие аспекты, как восприятие времени, хозяйственная деятельность, гигиена, одежда, распорядок дня, музыка, культура, (Л. Мулен); ритм жизни и времени, идеалы, условия жизни в замке и крестьянском доме, еда, мебель, костюм (цвета, ткани) и мода, развлечения, литература, эмоциональная сфера (М. Пастуро); социальная характеристика рыцарского сословия, вооружение, война, турниры, кодекс, литература (Ж. Флори); болезни, праздники, косметика, описание садов и парков, дороги и трудности путешествий, рацион, развлечения (Э. Бартон); частная жизнь, интерьер дома, рацион, этапы жизни (рождение, крещение, брак, смерть), статус в обществе, публичная жизнь, социальные группы и корпорации, праздники, религиозность (П. Антонетти) [4–8]. Повседневность ближайшего к Великой Отечественной войне периода 1930-х гг. Ш. Фицпатрик характеризует через социальные группы, описывает дефицит и способы его преодоления с помощью знакомств, связей, трансформацию человека, семейные проблемы, письма властям [9]. Все вышесказанное в комплексе достаточно полно характеризует повседневную жизнь человека в мирное время.

Российский исследователь Б. Ковалев, говоря о повседневной жизни населения России в период нацистской оккупации, характеризует ее через деятельность антикоммунистических организаций на оккупированной территории и немецких разведшкол, национальную политику немцев, Холокост, нацистскую пропаганду и средства массовой информации, обращается к описанию брачно-семейной сферы, контактам русских девушек с немецкими солдатами, описывает детскую беспризорность, организацию школьного дела, участие детей в германских разведшколах [10]. Фактически это характеристика оккупационной политики немцев в целом, характерная для многих исследованных германского оккупационного режима.

Согласно германскому ученому Б. Кьяри, оккупационная повседневность Беларуси – это образ, облик (и отдельные картины быта) сотрудников оккупационной администрации, характеристика белорусских коллаборационистов, положение детей и молодежи. Выживание населения рассматривается сквозь призму коллаборации [11]. Не отрицая наличия такой стратегии выживания, стоит отметить, что она была актуальна для абсолютного минимума жителей Беларуси. Хотя большинство жителей так или иначе вынуждены были вступать в контакты с оккупационными властями, пытаясь приспособиться к ситуации, лавировать, назвать их идейными

коллаборантами невозможно. Польский исследователь Е. Миронович видит повседневность белорусской деревни в условиях оккупации сквозь призму экономической эксплуатации крестьян оккупационными властями [12]. Представляется, что подобный взгляд не отражает многогранности понятия «история повседневности».

На основании сохранившихся документов эпохи можно попытаться реконструировать повседневность жителей Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 гг. Документы германской оккупационной администрации представлены распоряжениями гражданских и военных властей, касающимися различных аспектов оккупационной политики. Созданные немцами реалии повседневности видны в дублирующих (и уточняющих их) распоряжениях глав местной вспомогательной администрации, служебной переписке подразделений местной администрации, предприятий и учреждений, отчетной документации и заявлениях граждан [13].

История повседневности помогает создать целостный образ эпохи. Она является историей людей, которые, как правило, не принадлежат к элите, не оставляют после себя эпистолярного наследия. Это всегда история «молчаливого большинства». Соответственно, реконструировать военную повседневность возможно в первую очередь на основе письменных источников (документы оккупационной и местной вспомогательной администрации). Военная повседневность, как и повседневность всего новейшего времени в целом, не требует от исследователя изучать то, что с большим трудом приходится реконструировать при изучении средневековья и раннего нового времени (внешний и внутренний облик жилища, одежда и мода, отношения между социальными слоями и между мужчинами и женщинами, досуг, мировоззрение). Поскольку указанный период отделен от настоящего небольшим временным промежутком, быт людей периода Второй мировой войны очень понятен современному человеку. В то же время, поскольку речь идет об экстремальной ситуации, когда привычный уклад жизни человека был деформирован, определяющими аспектами военной повседневности становились те, которые способствовали выживанию конкретного человека в частности и всего народа в целом. Военная повседневность гражданского населения – это история большинства, которое лично не участвовало в вооруженной борьбе, хотя члены их семей могли быть связаны с движением Сопротивления, которое не стало на путь коллаборационизма и просто боролось за физическое выживание. Это история миллионов гражданских лиц, которые не принимали в подавляющем своем большинстве оккупационный режим, но находились продолжительное время под властью оккупационной администрации и в экстремальных условиях оккупации выбирали для себя одну или несколько стратегий выживания в зависимости от социально-экономических факторов и собственных умений, навыков, возможностей.

Военную повседневность определяют заболевания и эпидемии, сопутствующие войнам, возможность/невозможность получения медицинской помощи, наличие/отсутствие жилья, независимо от его внешнего и внутреннего вида (бомбежки, экспроприация вермах-

том нивелировали его комфортность, важно было иметь его в принципе), доступ к коммунальным услугам на фоне существенного нарушения функционирования коммунального хозяйства, работа, которая являлась способом удовлетворения минимальных потребностей людей, с одной стороны, и инструментом насилия над ними со стороны оккупантов, с другой стороны.

Свою специфику имел рацион питания. «Изощренные хозяек» в приготовлении еды было продиктовано исключительно желанием приготовить хоть что-то из постоянно скудного набора продуктов. Исключение составляла немногочисленная прослойка людей, являвшихся высокопоставленными сотрудниками местной вспомогательной администрации. Они и члены их семей даже в условиях оккупации имели намного лучшие рацион и одежду. Количественные и качественные отличия местных чиновников в питании и одежде были вызваны даже не более высоким уровнем заработной платы (за исключением верхушки администрации, зарплата подавляющего большинства чиновников была сопоставима или весьма незначительно отличалась от зарплаты рабочих и служащих), а тем, что они могли себе позволить за счет тех коррупционных возможностей, которые появлялись в процессе исполнения должностных обязанностей. Решение абсолютно любого вопроса, находящегося в компетенции местных властей, было сопряжено с необходимостью материального подношения чиновнику со стороны просителей. Быт представителей сельской администрации ненамного отличался от среднестатистических крестьян. Особенно данное утверждение справедливо в тех случаях, когда должность сельского старосты по очереди выполнялась всеми мужчинами данной общины, и временное исполнение обязанности главы сельской администрации не приносило никаких материальных выгод, только лишние хлопоты и проблемы.

В мирное время, даже в условиях перманентного дефицита в СССР в свободной продаже продуктов питания и промышленных товаров, люди все же имели возможность легально удовлетворять свои хотя бы минимальные потребности. Советские граждане до войны в основной массе хоть и без излишеств, но были сыты, одеты и обуты. В условиях германской оккупации снабжение населения продуктами питания было жестко регламентировано. Получавшие продукты питания по карточкам горожане должны были или работать и приносить пользу оккупантам, или же легально считаться иждивенцами, в иных случаях продуктовые карточки не выдавались. Для сельского населения вводились ограничения на объем потребляемых продуктов питания (регламентация помолы зерна, ограничения на убой скота). Обеспечение гражданского населения промышленными товарами не предусматривалось в принципе. Уцелевшие предприятия работали в интересах Германии. Существовавшие в городах комиссионные магазины удовлетворить запросы граждан не могли ввиду непропорционально высоких цен. В такой ситуации удовлетворение потребностей граждан было возможно только за счет рынка или же приходилось изготавливать необходимое самим.

Если в мирное время земледелие, содержание скота, лесные промыслы призваны удовлетворять базовые потребности тех граждан, которые непосредственно связали свою жизнь с данными занятиями (а рыбная ловля вообще являлась для многих увлечением, способом проведения досуга), то в условиях оккупации они становились для людей жизненно необходимыми. Даже для городских жителей, работавших на предприятиях, в учреждениях или занимавшихся ремеслом и торговлей, обработка земли и содержание скота становились факторами, существенно увеличивающими шансы выжить. Если в мирное время содержание скота обуславливалось пожеланиями и пристрастиями конкретных граждан, то в военное время в условиях тотального дефицита продуктов питания наличие домашнего скота или птицы становилось жизненно важным, позволяло увеличить и разнообразить скудный рацион, полагавшийся по карточкам, и в меньшей степени зависеть от снабжения властями. То же касалось и крестьян. До войны члены коллективных хозяйств не имели возможности держать лошадь, да и в условиях коллективной собственности и совместной работы в колхозах в ней дома не было необходимости. В период оккупации, когда колхозные земли были разделены между членами сельской общины, наличие в семье лошади позволяло вырастить урожай, обеспечить себя продуктами и иметь возможность уплатить натуральный налог оккупантам, не подвергая себя опасности репрессий с их стороны.

Относительно периода оккупации вряд ли применимо понятие «выходная одежда». Во-первых, горожане массово вынуждены были менять одежду, обувь и другие промышленные товары на продукты питания, и, естественно, в первую очередь избавлялись от наименее практичных вещей. Новый же владелец в большинстве своем переводил купленную вещь в разряд повседневной. Во-вторых, одежда, отличающая конкретного человека от остальных людей, бросалась в глаза и немцам, и полицейским, в то время как для человека за благо было оставаться как можно менее заметным для врагов, чтобы избежать излишнего внимания (проверка документов, домогательство к девушкам, мобилизация на работу в Германию), не провоцировать насилия.

Досуг человека является малоизвестным и сложно реконструируемым аспектом оккупационной повседневности. Во-первых, сами условия жизни не располагали к веселью. Во-вторых, существовали ограничения на собрания и передвижения граждан между административно-территориальными единицами и во время комендантского часа внутри населенного пункта.

Заключение. Быт, внешний вид людей и населенных пунктов, интерьер домов, одежда периода оккупации были аналогичными или во многом схожими с довоенной и послевоенной эпохой. Тем не менее три года оккупации – мизерный в масштабах человеческой истории период – это совершенно иная эпоха со своей специфической повседневностью, которую характеризовало то, что стало наиболее актуальным практически для всех людей. Оккупационная повседневность была лишена таких естественных черт, присущих мирному времени,

как отдых и праздники, красота и мода. Она определяется чрезвычайными обстоятельствами, связанными с необходимостью выжить в экстремальной ситуации. Речь шла о возможности удовлетворения хотя бы на минимальном уровне базовых потребностей, что обусловило поиски разных форм предпринимательской деятельности, использование возможностей функционировавшего черного рынка, изыскание альтернативных источников продуктов питания. Нормой стала аграризация и натурализация городской жизни. Материальные тяготы оккупации, постоянные угрозы быть убитым или угнанным в Германию, смерть родных и близких обусловили тяжелые эмоциональные переживания.

Литература

1. Банникова, Е.В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни / Е.В. Банникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7(13): в 3 ч. – Ч. II. – С. 21–24.
2. Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. – 271 с.: ил.
3. Пушкарева, Н.Л. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе / Н.Л. Пушкарева, С.В. Любичанковский // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 7–21.
4. Мулен, Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV вв.) / Л. Мулен. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 333 с.: ил.
5. Пастуро, М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро; пер. с фр. М.О. Гончар. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 230 с.: ил.
6. Флори, Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / Ж. Флори; пер. с фр. Ф.Ф. Нестерова. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 356 с.: ил.
7. Бартон, Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / Э. Бартон; пер. с англ. С.С. Смолянской. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 243 с.: ил.
8. Антонетти, П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте / П. Антонетти; пер. с фр. и предисл. В.Д. Балакина. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 287 с.: ил.
9. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. – 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
10. Ковалев, Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б.Н. Ковалев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.: ил.
11. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Б. К'яры; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.
12. Мірановіч, Я. Штодзённае жыццё беларускай правінцы пад нямецкай акупацыяй (1941–1944) / Я. Мірановіч // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац удзельнікаў IX Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 чэрв. 2015 г. / уклад. А.М. Баццокоў, І.А. Пушкін. – Магілёў, 2015. – С. 242–249.
13. Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.): монография / Е.А. Гребень. – Минск: БГАТУ, 2016. – 496 с.

Поступила в редакцию 26.05.2020